

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Е.С. ЯКОВЛЕВА

**Фрагменты русской языковой
картины мира**

(модели пространства, времени и восприятия)

ПРОСТРАНСТВО:

ГЕОМЕТРИЧЕСКОЕ / СЕМИОТИЧЕСКОЕ
ФИЗИЧЕСКОЕ / УМОЗРИТЕЛЬНОЕ

—

ВРЕМЯ:

ЦИКЛИЧЕСКОЕ / ЛИНЕЙНОЕ
АКТИВНОЕ / ПАССИВНОЕ

—

ВОСПРИЯТИЕ:

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ / ОПОСРЕДОВАННОЕ
ДОСТОВЕРНОЕ / НЕДОСТОВЕРНОЕ

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Е.С. ЯКОВЛЕВА

**Фрагменты русской языковой
картины мира**

(модели пространства, времени и восприятия)

ГНОЗИС
МОСКВА
«ГНОЗИС»
1994

**ББК 81
Я 46**

Составитель серии – А. Д. Кошелев

Е.С.Яковлева

Я 46

**Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 344 с.
ISBN 5-7333-0424-8**

Книга посвящена изучению русской языковой картины мира. В ней рассмотрены особенности языкового отражения таких фундаментальных категорий, как "ВРЕМЯ", "ПРОСТРАНСТВО", "ЗНАНИЕ", "ВОСПРИЯТИЕ". На основе употребления пространственно-временной и модальной лексики выявлен ряд моделей пространства, времени и восприятия, проясняющих специфику этих категорий для носителей русского языка.

Для лингвистов широкого профиля, филологов, историков языка и культуры.

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
международного фонда
«Культурная инициатива»**

Я $\frac{570101 - 019}{42(02) - 94}$ без объявл.

ББК 81

ISBN 5-7333-0424-8

© Е.С.Яковлева, 1994.

© А.Д.Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура».

© В.П.Коршунов. Оформление серии.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. Картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой 'далеко'/'близко'	
§1. Предварительные замечания	16
§1.1. Пространство геометрическое vs. семиотическое	16
§1.2. О языковом материале	21
§2. Фактор непосредственного восприятия, «наблюдения» при описании пространственных отношений	23
§3. Неоднородность пространства: противопоставленность дистанционных оценок по линии «абсолютность»/«относительность»	25
§4. О «широте» пространства носителей русского языка	29
§5. Неравноценность пространства: три дистанционных пояса «окрестности говорящего»	32
§6. Синтаксис абсолютных и относительных пространственных оценок	35
§7. Можно ли описывать «пустое» пространство?	37
§8. Особенности употребления показателей относительных пространственных оценок	41
§9. Пространство физическое vs. умозрительное	43
§9.1. Бытийное квазипространство	44
§9.2. Пространство инобытия	48
§10. «Пространство» → «Время»: описание времени в терминах пространства	54
§11. Итоги	61
§12. Вместо послесловия: к чему приводит снятие фактора эгоцентричности	66
§13. Добавление к теме «Описание времени в терминах пространства»	72
ГЛАВА 2. Фрагменты языковой картины времени	
РАЗДЕЛ 1. Введение в проблему	82
§1. О различных подходах к описанию времени	82
§2. «Время» vs. «вечность»	87
§3. Время — «пространство в бытии»	94
§4. Время циклическое vs. линейное	97

РАЗДЕЛ 2. Описание происходящего в <i>минутах, мигах, мгновениях и моментах</i>	102
§1. Предварительные замечания	102
§2. <i>Минута vs. момент</i>	107
§2.1. Конкретность <i>минуты</i> и «условность» <i>момента</i>	107
§2.2. Фактор продолжительности, конкретной локализованности временного промежутка	108
§2.3. Время душевных переживаний (<i>минута</i>)/время стечения обстоятельств (<i>момент</i>)	110
§2.4. <i>Минута, секунда, момент</i> в применении к считаему времени	114
§3. <i>Минута, секунда vs. мгновение, миг</i>	118
§3.1. Семантика «минутного» и «мгновенного»	118
§3.2. <i>Мгновение</i> и <i>миг</i> как показатели повышенной эмоциональной напряженности	120
§3.3. «... между временем и Вечностью...»	125
§3.4. <i>Мгновение</i> как элементарная частица онтологического времени	130
§3.5. <i>Мгновения, миги/секунды, минуты</i> как показатели смещения по ряду интенсивности	134
§3.6. Счет на <i>секунды, минуты/мгновения, миги</i>	136
§4. Итоги	138
РАЗДЕЛ 3. <i>Время vs. Пора</i> (время: циклическое/линейное; активное/пассивное)	142
§1. <i>Время</i> и <i>пора</i> в оппозиции циклического и линейного времени	144
§1.1. <i>Пора</i> как показатель цикличности	144
§1.2. <i>Время</i> как немаркированный член оппозиции	149
§1.3. Иллюстрация введенных характеристик	150
§1.4. <i>Время</i> и <i>пора</i> при синхронизации или отсчете времени	153
§1.5. <i>Время, пора</i> и <i>времена</i> в позиции обстоятельства	156

§1.6. <i>Пора</i> в сравнении со специальными показателями цикличности	160
§2. <i>Время</i> и <i>пора</i> как сигнал приступить к действию	161
§2.1. Между повествованием и речевым действием	162
§2.2. «Своевременность» с позиций <i>времени</i> и <i>поры</i>	164
§2.3. <i>Пора</i> и <i>время</i> в оппозиции «субъективное»/«объективное»	167
§3. <i>Пора</i> как показатель активного времени	171
§4. Цикличность в плане прошлого/настоящего/будущего	174
§4.1. Настоящее (<i>нынче, ныне, сейчас, теперь</i>)	175
§4.2. Прошлое (<i>прошлый, прежний, минувший, былой</i>)	184
§4.3. Будущее (<i>впредь, в дальнейшем, далее</i>)	189
§5. Итоги	190
ГЛАВА 3. Отражение в семантике слова типа знаний говорящего	
РАЗДЕЛ 1. О словах-показателях типа знаний говорящего о предмете речи	196
РАЗДЕЛ 2. Показатели фактического соответствия («степени достоверности»)	212
§1. Характеристика высказываний, не содержащих показателей степени достоверности	212
§2. Значения показателей степени достоверности	218
§2.1. «Качественный» аспект: понятие типов информации	218
§2.2. «Количественный» аспект: конкретизация понятия «степень достоверности»	232
§3. Различные аспекты согласования по признаку «достоверность»	243
§3.1. Согласование по признаку 'достаточность/недостаточность' информации	244
§3.2. Согласование по признаку 'наличие/отсутствие однозначной трактовки ситуации'	245
§3.3. Согласование по типу информации	247

§4. Итоги	250
РАЗДЕЛ 3. Оценка на основе фактического соответствия	252
§1. Конечно как показатель стереотипности	253
§2. Естественно как показатель причинной обусловленности	257
РАЗДЕЛ 4. Семантика экспрессивных модификаторов утверждения	261
§1. Модификации по линии сходства	261
§1.1. Буквально vs. действительно	261
§1.2. Сходство по внешним/внутренним данным (<i>этакий vs. суций</i>)	267
§2. Модификации по линии обобщения (от единичного факта — к общеизвестному образцу)	272
§3. Экспрессия как «проявление авторской индивидуальности» (<i>буквально</i>)/«следование общепринятому клише» (<i>поистине</i>) в описании ситуации	278
РАЗДЕЛ 5. «Модальная отмеченность» слова как фактор, регулирующий его употребление	282
§1. О понятии «модальная отмеченность»	282
§2. Слово <i>очень</i> и его синонимы	287
§2.1. <i>Весьма</i>	292
§2.2. <i>На редкость, удивительно, необычайно</i>	297
§3. <i>Часто vs. зачастую; иногда vs. подчас</i>	299
§4. Итоги	304
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	307
ПРИЛОЖЕНИЕ. Время как показатель знаний говорящего о предмете речи	309
ЛИТЕРАТУРА	317
СЛОВНИК	327
КРАТКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	330
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	340

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения языковой картины мира — зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности — имеет давнюю историю (см. обзоры по этому вопросу в [Апресян 1986а], [Постовалова 1988], [Цивьян 1990]). В настоящее время можно говорить о целых направлениях в рамках этой общей темы. Назовем лишь некоторые из них: а) типологические исследования: славянская языковая картина мира; балто-славянские исследования (Вяч.Вс.Иванов, В.Н.Топоров); лингвистические основы балканской модели мира (Т.В.Цивьян, Г.Гачев); изучение славянской языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры славян (Н.И.Толстой, С.М.Толстая, С.Е.Никитина); б) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русском словообразовании (Е.А.Земская), в лексической семантике и прагматике (Ю.Д.Апресян, Т.В.Булыгина, В.Г.Гак, А.Б.Пеньковский, А.Д.Шмелев); своеобразии языка в зеркале метафоры и др. тропов (Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия); «аксиология в механизмах жизни и языка» — название одной из статей Н.Д.Арутюновой и целого направления исследований функциональной семантики оценки и средств ее выражения (Е.М.Вольф, Г.Е.Крейдлин и др.).

Перечисленные направления объединяет интерес к выявлению национально-своеобразных черт описываемых языков; понятно, что такое описание в качестве исходной точки предполагает опору на языковые универсалии.

Во всем многообразии работ, посвященных языковой картине мира, доминирующим можно считать противопоставление двух систем понятий — научных (используемых в физике, геометрии, логике, психологии и пр.), в совокупности образующих научную картину мира, и, так сказать, «наивных» (наивная физика, геометрия, логика), используемых человеком независимо от его знаний тех или других научных дисциплин и владения научной картиной мира, ср.: «Образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» [Апресян 1986а, 5]. В отечественной лингвистике

одним из первых эту точку зрения в явной форме выразил Л.В.Щерба. Вспомни хотя бы его известное рассуждение о принципиальном различии понятия «прямая линия» в геометрии (= кратчайшее расстояние между двумя точками) и в языке (= линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево, ни вверх, ни вниз) (пример взят из работы Ю.Д.Апресяна [1974, 56], где вопрос о «наивных» интерпретациях реалий, имеющих научные определения, ставится в плане его практической значимости для лексикографии).

Наряду с этой существует и другая, достаточно устойчивая, тенденция — трактовать значения языковых единиц (выражающих такие категории, как «время», «пространство», «знание», «восприятие»), опираясь на систему соответствующих научных понятий (см., например, [Слюсарева 1976]). И это объяснимо, ведь многие научные понятия давно вошли в наш речевой обиход («трехмерное пространство», «временная ось», «последовательность точек (событий) на временной оси» и др.). Можно даже сказать, что в модели мира современного человека граница между наивной и научной картинами стала менее отчетливой (ср. опыт «сопряжения» научной и наивной систем понятий и представлений о мире, по образцу некоей «естественной» — единой и нерасчленимой — ментальности в [Гачев 1992] и там же — поиск национально своеобразного в научной картине мира).

Наша работа лежит в русле семантических исследований, нацеленных на системное изучение наивной картины мира носителей русского языка. «Реконструкция „наивной модели“ мира на основе полного описания лексических и грамматических значений начинает рассматриваться как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе, — пишет Ю.Д.Апресян. — <...> Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности <...> понятие наивной модели мира дает семантике новую интересную возможность. Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и нацио-

нально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными» [Апресян 1986а, 6].

В настоящее время изучение «того своеобразного [языкового] раскроя» «концептуального материала, который получил название „наивной“ картины мира» [Апресян 1993, 7], является неотъемлемой частью лексикографической практики (ср. описание эмоциональной лексики в рамках «наивной психологии», или «наивной анатомии»¹, параметрической лексики в рамках «наивной геометрии» и под. в Синонимическом словаре русского языка, который разрабатывается исследовательской группой Института русского языка РАН под руководством Ю.Д.Апресяна; ср. также пионерскую работу А.Н.Журицкого [1971], посвященную описанию русских пространственных прилагательных в аспекте «наивных» — и подчас национально-специфичных — представлений о пространстве, обладающих языковой релевантностью; на близкую, но выходящую за рамки русского языкового материала тему, см. статью Т.М.Николаевой [1983]).

Поскольку далее речь пойдет о языковом отражении понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания, вполне естественно, что вопрос о значимости той или другой картины мира решается в аспекте языковой релевантности, а именно: что влияет на наше языковое поведение, что определяет выбор языковых единиц (слов, конструкций и пр.) — естественно-научные знания или «наивные», обиходные представления о времени, пространстве,

---

¹ Ср.: «В описании наивной картины мира одно из центральных мест занимают представления о локализации ощущений в человеческом теле: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их нормального „пробывания“ (и — метафорически — их заместителем) <...>. Указанная особенность (т.е. обязательная связь ощущений человека с каким-либо органом его тела) по-видимому, является универсальной; различие же между конкретными языками заключается в том, как именно распределяются ощущения на наивной „анатомической карте“ человека» [Плунгян 1991, 155].

когнитивных процессах?

Языковая концептуализация пространства и времени выявлялась на материале употребления дистанционных показателей с семантикой 'далеко'/'близко' (*вдали, вдалеке, далеко, неподалеку, невдалеке, недалеко, рядом, близко, поблизости, вблизи*) и слов-названий временных промежутков (*время, пора, времена, ныне, нынче, минута, миг, мгновение, момент* и под.). Вся эта лексика с полным основанием может быть отнесена к разряду культурно-значимой: наблюдение за ее употреблением позволило сделать вывод о языковой отмеченности многих «донаучных» понятий — архетипических, мифологических представлений человека о пространстве и времени². Несмотря на то, что в отдель-

---

² До недавнего времени приоритет в изучении культурно-значимой лексики под углом зрения «картины мира» принадлежал этимологическим (и шире — сравнительно-историческим) дисциплинам. Именно из этих областей черпаются языковые данные для реконструкции мифопоэтической модели мира. См. энциклопедический словарь «Мифы народов мира» [1991—1992]; см. также выявление мифологем архаического сознания на основе сравнительно-исторической реконструкции в [Маковский 1989; 1992]. Из недавних работ, посвященных реконструкции модели мира, отметим исследования древнегерманской лексики концептуализированных, т.е. имеющих понятийно-культурное значение, областей [Проскурин 1990] (концептуализация пространства), [Топорова, в печати] (концептуализация пространственно-временной и ментальной сфер).

Апелляция к каким-либо данным истории и культуры носителей языка при описании современного словоупотребления становится необходимой и даже неизбежной, если исследователь изучает слова, соотносящиеся с «мировоззренческими концептами» (выражение Н.Д.Арутюновой). См. работы А.Вежицкой (например, [Вежицка 1992]) с широкими и разнообразными отсылками к культурно-историческим, этнографическим и под. источникам; см. также [Степанов 1972], где постулируются некоторые общие принципы описания слов, обозначающих ключевые понятия культуры; и наконец, см. сборники [Культурные концепты 1991] и [Понятие судьбы... в печати], свидетельствующие, как кажется, не только об условном, «территориальном», сближении в рамках одного издания доселе различных лингвистических направлений.

Проделанный нами анализ пространственно-временной лексики русского языка показал, что данные сравнительно-исторической реконструкции архаической модели мира в каких-то случаях являются оптимальным объяснением современного словоупотребления.

ных случаях в качестве мотивирующих употребление соответствующего слова приводились определения, уже имеющиеся в «культурной парадигме» носителей языка, сами лингвистические построения были сугубо апостериорны: мы всегда шли вслед за языковым материалом, даже если реально конкретный лингвистический анализ предварялся какими-то культурологическими или семиотическими экскурсами. Одним из следствий этой «апостериорности» можно считать и выбранную нами форму представления результатов: семантика пространственно-временной и модальной лексики описывается в терминах «моделей» и «фрагментов» (а не традиционных для семантического исследования толкований или — более свободных в формулировках — «описаний»).

Языковой моделью пространства (времени...) мы будем называть интерпретацию пространства (времени ...), содержащуюся в семантике слов-«носителей модели». В применении к нашему материалу — словам, группирующимся вокруг одного понятия: «расстояние», «кратковременность» и под. — языковая модель представляет собой двучленную семантическую структуру, первый компонент которой является оценкой ('близость'/'дальность' у пространственных наречий; отрезок времени, характеризуемый протекаемыми на нем событиями, у таких слов, как *время, пара, времена*), а второй компонент является интерпретацией этой оценки. Так, 'дальность' может интерпретироваться по-разному — как абсолютная и относительная; период времени может оцениваться как неповторимый, единственный, уникальный, либо как типизированный, имеющий аналоги, возобновляющийся; у таких квазисинонимов, как *мгновение* и *момент* основание интерпретации общее — «краткость временного интервала», сами же интерпретации различны: слово *момент* приписывает кратковременности характеристику «рациональное», «аналитическое», «внеположенное» (позиция стороннего наблюдателя), а *мгновение* интерпретирует временной интервал в терминах «уникального», «важного», «личного», «незабываемого»³. Употребляя слово-«носитель» конкретной модели про-

³ Языковая модель в нашем понимании относится не к языковым средствам — языковой форме/функции, а к результату: про-

странства (времени...), говорящий⁴ осуществляет выбор из совокупности моделей — интерпретаций этого понятия, предоставляемых языком.

Фрагментом языковой картины мира мы будем называть совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия.

Мы прибегли к этому, традиционно скорее семиотическому, языку описания потому, что выбранные для анализа слова не являются простыми отображителями своей «денотативной сферы»; не выражают только то, что называют, но именно моделируют описываемую говорящим действительность, задают свои отношения в рамках того «жизненного контекста», в который они включены. Так, с помощью показателей времени одни и те же реалии могут включаться в различные отношения, интерпретироваться по-разному, т.е. соотноситься с разными сферами бытия: «вечное», «преходящее», «обыденное», «надбытовое» и пр. Аналогично, и пространственные показатели могут задавать локализацию как в пространстве физическом, так и в умозрительном; в зависимости от этого не только сама «близость»/«дальность» прочитывается по-разному, но и локализуемые объекты понимаются различно.

Несколько слов о самой процедуре выявления языковых моделей. Главным методом работы был лингвистический эксперимент, направленный на обнаружение факторов, регулирующих употребление изучаемого слова⁵. Говоря более

странству/времени, концептуализованным, проинтерпретированным с помощью этих языковых средств. Т.е. мы говорим не о моделях слов с семантикой 'далеко'/ 'близко', *минута*, *миг* и под., а о моделях пространства, времени, которые задаются употреблением этих слов.

⁴ В дальнейшем мы будем использовать понятие «говорящий» в предельно широком значении, не делая специальных оговорок для речевого и нарративного режима употребления языка. Говорящий далее может обозначать и субъекта речи, и субъекта сознания, и наблюдателя (ср. использование этих дефиниций в работах Е.В.Падучевой [Падучева 1990; 1991]). Для нас говорящий — это тот, кто осуществляет языковой выбор, использует анализируемое слово, т.е. является носителем языкового сознания.

⁵ Выбранный для анализа языковой материал как нельзя лучше ил-

---

конкретно, для синонимичных слов подбирались контексты, в которых одно из них употребимо, а другое (другие) — нет. Затем на основе сопоставительного анализа найденных контекстов выявлялись компоненты значений изучаемых слов, объясняющие их употребимость в данных высказываниях.

Ориентация на изучение языковых моделей заставляет нас остановиться на одном из важных этапов данного метода, а именно: на этапе выявления факторов, налагающих запрет на употребление слова в высказывании. Вслед за А.Д.Кошелевым [1990] мы различаем два крайних случая: а) высказывание задает диагностический контекст, т.е. содержит языковую единицу, значение которой не согласуется со значением слова, и б) высказывание задает диагностическую ситуацию — явно описывает некоторое свойство или интерпретацию референтной ситуации, с которыми данное слово не соотносимо. Реально в работе использовались оба варианта «диагностики» при доминировании второго, позволяющего непосредственно проверять употребимость слова в рамках той или иной модели (интерпретации) действительности.

люстрирует справедливость тезиса Э.Бенвениста о том, что «...„значение“ лингвистической формы ... определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [Бенвенист 1974а, 332].

ГЛАВА 1

КАРТИНА ПРОСТРАНСТВА, ЗАДАВАЕМАЯ НАРЕЧИЯМИ С СЕМАНТИКОЙ 'ДАЛЕКО'/'БЛИЗКО'

«Пространство — та однородная, ни в одной из возможных точек ничем не выделяющаяся, по всем направлениям равноценная, но чувственно не воспринимаемая разъятость?...»

М. Хайдеггер

§1. Предварительные замечания

§1.1. Пространство геометрическое vs. семиотическое

Предварим лингвистический анализ слов с пространственной семантикой обсуждением некоторых общих вопросов, связанных, во-первых, с пониманием самого пространства — одной из фундаментальных категорий мироприятия человека («пространство» в философии, в картине мира...), а во-вторых, затронем вопрос об использовании «языка пространства» во вторичных моделирующих системах как средства описания («пространство» в искусстве). Необходимость такого обсуждения определяется спецификой лингвистического подхода к проблеме — двойственностью самого объекта анализа (языка): его способностью к отражению представлений человека о мире (картины мира) и его функцией быть средством описания мира.

В работе «Пространство и текст» В.Н.Топоров пишет о двух пониманиях пространства: по Ньютону и по Лейбницу. В первом случае пространство — «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...». Во втором случае пространство — «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [Топоров 1983, 228].

Вопрос, взятый нами в качестве эпиграфа к данной главе, отражает принципиальную неоднозначность, отсутствие какого-либо окончательного решения «проблемы пространства». Поставленный М.Хайдеггером в такой форме, этот вопрос по существу является и ответом — вариантом решения, справедливость которого философ прослеживает на примере художественного пространства скульптуры: оно неоднородно, неравноценно, вторично по отношению к заполняющим его вещам (см. [Хайдеггер 1991a]). К аналогичным выводам приходит и о. П.Флоренский, в «Обратной перспективе», ср.: «... И, наконец, самое пространство — не одно только равномерное бесструктурное место, не простая графа, а самосвоеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение» [Флоренский 1990, 60].

Если пойти дальше и глубже по линии исчисления функциональных возможностей пространства в изобразительном искусстве, то картина станет еще сложнее¹, но это уже выходит за рамки обсуждаемой темы.

На принципиальную разнородность художественного пространства литературы и пространства геометрического (ньютоновского) указывает Ю.М.Лотман в работе о художественном пространстве в прозе Н.В.Гоголя, ср.: «Пространство не образуется простым рядом расположением цифр и тел... понятие пространства не есть только геометрическое»

---

¹ Так, о. П.Флоренский рассматривал живопись и графику как «проекции двойственного понимания трехмерного пространства» [Флоренский 1993, 104]: «Живопись распространяет вещественность на пространство и потому пространство склонно превращать в среду. Напротив, графика пространственность подводит под вещи и тем истолковывает самые вещи как некоторые возможности движений в них, но движений в разных случаях различных. Иначе говоря, она истолковывает вещи как пространство особых кривизн, или как силовые поля. Живопись, таким образом, имеет дело собственно с веществом, т.е. с содержанием вещи, и по образцу этого содержания строит все наружное пространство. А графика занята окружающим вещи пространством и по образцу его истолковывает внутренность вещей» (там же, с. 109). И несколько выше по тексту: «... живопись обращается преимущественно с вещами, а графика — с пространством. Живопись сродни веществу, графика же — движению» (с. 105).

[Лотман 1988, 274]. Как следствие, к художественному пространству не приложим признак непрерывности, отмечает Ю.М.Лотман. Поскольку «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» (там же, с. 252—253), сама «пространственная терминология» наполняется особым содержанием. Так, признак «далекости» коррелирует с *внешним, иным* (в пределе — *чужим и чуждым*), признак «близости» соотносится с *внутренним, своим* (см. там же, с. 268—269). Выявляя систему вторичных смыслов «пространственного языка» гоголевской прозы, Ю.М.Лотман замечает, что в этой системе вид из дали в пространственном отношении синонимичен виду сверху (и наоборот). Одно из возможных объяснений такой «синонимии»: «... пространственная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия» (там же, с. 278).

Проделанный Ю.М.Лотманом анализ убедительно показывает, что пространство художественной литературы не является простой «разъятостью» (М.Хайдеггер); оно структурировано, как и любая другая моделирующая система.

О том, что в искусстве «пространство и время связаны с изображаемым», говорит и Эрнст Неизвестный: «Существуют разные временные категории в пространстве и времени литературы. Пространство Льва Толстого развивается по евклидовым законам, это реальное пространство и реальное время: реальные персонажи передвигаются в реальном пространстве. Там едут лошади, там стоят деревья, там летают галки, и одновременно люди меняются в этом реальном пространстве сообразно с физическими и психическими законами <...> Этого нет у Данте, Достоевского, Кафки и Беккета. Их пространство не евклидово: то есть либо обратное, либо — рассеянное...» [Неизвестный 1992, 153].

Таким образом, ньютоновское пространство является некоторой объективацией идеи пространства, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, прочитывается человеком. Ньютоновское пространство принадлежит физике и геометрии; лейбницевское же относится, скорее, к

области человеческих представлений о мире, так сказать, «наивной философии» мира². «Постулаты» этой философии лежат в основании картины мира.

На примере архаической модели мира В.Н.Топоров прослеживает динамику идеи пространства, которая сводится к «собираанию», «оживлению» пространства, «освоению его»: «Некогда в начале творения пространство было простерто, раз-бросано повсюду (уровень Творца в чистом виде). Но через мир вещей и через человека (последующий

² В лингвистических исследованиях пространство представляется, скорее, синкретично: оно совмещает в себе и черты физико-геометрического пространства (ньютоновского) и черты пространства, условно говоря, «семиотического» (лейбницевского). Ср. используемые Д.Личем при описании пространства базовые единицы: «место», «протяженность», «близость», «вертикальность»/«горизонтальность», «север»/«юг», «запад»/«восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза» (положение человека в пространстве) [Лич 1971]. Ср. добавления к этому списку А.Вежбицкой: «направление», «границы пространства», «сила притяжения» [Вежбицка 1972]. Ср. также [Всеволодова, Владимирский 1982], где, в частности, есть раздел о субъективном и объективном определении расстояний между предметом и местом.

Солитаризуясь с мыслью о том, что «... действительность есть лишь особая организация пространства» [Флоренский 1993, 71], заметим, что нам представляется вполне естественным варьирование содержания и объема понятий «пространство», «пространственность» в зависимости от целей и предмета исследования. Так, расширительное толкование пространства и как пространства множества, и как пространства ситуация, и как пространства функциональных систем типа «завод», «институт» оказывается продуктивным при описании экзистенциальности. Применение к этой области языковой семантики понятия пространства (или пространства) позволяет, в частности, дать убедительное обоснование различиям между такими функциональными категориями, как «нахождение» и «существование» [Селиверстова 1990].

В рамках грамматических категорий локации [Степанов 1981] идея наличия/отсутствия пространственной определенности субъекта высказывания позволяет описывать безличность в терминах пространственной неопределенности [Степанов 1989б; 1990].

Однако пространственность в последних двух случаях выступает скорее как некий грамматический конститuent; соотношение такого «грамматализованного» пространства с пространством семиотическим, по-видимому, сродни противопоставлению времени грамматического (tense) психологическому или философскому времени (time) (см. об этом в Разделе 1 следующей главы).

уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных ему смыслов. Для этой эпохи вместо непрерывности и сплошной протяженности гомогенного пространства реконструируется представление о разнородном и, так сказать, „корпускулярном“ пространстве с разной ценностью (значимостью) его частей» [Топоров 1983, 242].

Существенно то, что язык описывает уже это «обжитое» человеком пространство. В.Н.Топоров приводит многочисленные примеры «очеловечивания» «вселенского пространства через его связь с членами тела»: *подножье горы, горный хребет, устье реки, горловина* (там же, с. 244). В мифопоэтическом сознании, пишет В.Н.Топоров, первичен антропоморфный код, поэтому языковое пространство «собирается» как антропоморфная система (там же).

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: «... для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» [Апресян 1986а, 31]. Одним из следствий антропоцентричности является субъективность многих языковых категорий (см. об этом у Э.Бенвениста, Ю.С.Степанова). В применении к нашей теме антропоцентричность обычно понимается как «присвоение субъектом пространства» [Цивьян 1991, 141]. Отсюда — вывод об относительности пространственных характеристик (там же). Примером такой относительности, как правило, служат рассматриваемые нами дистанционные показатели. Заметим, кстати, что сама возможность описания объектов в терминах «далеко»/«близко» характеризует именно языковое пространство; в пространстве же геометрическом такие (субъективные!) характеристики исключены, там местоположение определяется в точных метрических терминах.

Релевантность для языкового сознания понятия «обживания» пространства (и, как следствие, его «собирания») прослеживается и на примере употребления наречий с семантикой 'далеко'/'близко'. Рассмотренный нами пространственный фрагмент позволяет сделать вывод о том, что картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не

является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот — конституируется ими и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. Поскольку часто пространство ощущается, воспринимается именно через «эманацию» вещей, его заполняющих³, для описания пространственных отношений релевантны такие признаки, как «положение наблюдателя»; «характер и условия восприятия» и под.⁴.

Мы рассмотрим лишь фрагмент пространственной картины, но и его достаточно, чтобы увидеть специфику языкового отражения пространства.

§1.2. О языковом материале

В Словаре синонимов под ред. А.П.Евгеньевой [1976] наречию *близко* сопоставляются такие слова, как *вблизи, поблизости, недалеко, рядом*. Наречие же *далеко* задает синонимический ряд: *вдали, вдалеке, (в отдалении)*. Эти слова и будут служить предметом дальнейшего рассмотрения.

Часто считается, что в пределах этих синонимических рядов наречия взаимозаменяемы (см., например, [Всеволодова, Владимирский 1982]). Языковая практика, однако же, показывает, что каждое из слов по-своему описывает характер удаленности объекта и вследствие этого в большинстве случаев близкие по смыслу слова не взаимозаменяемы. Так, некоторые наречия не употребляются, в условных, гипотетических конструкциях. Можно сказать: *Если будете неподалеку/поблизости/рядом, заходите* и нельзя: **Если будете вблизи/недалеке, заходите*. Обращает внимание и чувствительность наречий к актуализационному аспекту высказывания: *вдали, (не)вдалеке* естественнее использовать не с предикатами «нахождения», «обитания» (неактуальными), а с предикатами «проявления» объектов. Ср. пары примеров: *Вдали виднеется за*

³ По Платону, пространство — «материя чувственно являемого мира» (цит. по [Соловьев 1914, 270]).

⁴ Язык описания «пространства непосредственного восприятия» (первичного дейксиса) разработан Ю.Д.Апресяном (см., например, [Апресян 1986а]) и здесь мы используем его терминологию.

вод при сомнительности ?*Вдали расположен завод; Неудалеке зеленеют березы и ?Неудалеке растут березы.*

Одну из наших целей мы видим в выявлении системных отношений между данными словарными синонимами, которые позволили бы объяснить особенности их употребления.

Материалом для анализа послужили высказывания, в которых наречия отвечают на вопрос «где?». Иными словами, из анализа исключались высказывания типа *Иду я далеко*, поскольку в них наречия на -о не сопоставимы с другими дистанционными показателями, в принципе не способными отвечать на вопрос «куда?».

Кроме того, мы будем рассматривать только эгоцентрическое употребление наречий. Поясним, что имеется в виду.

Валентность объекта у данных наречий может заполняться по-разному: эксплицитно — предлогом, управляющим косвенным падежом имени объекта (*далеко от дома*), и имплицитно, так сказать, по умолчанию, когда предлог с косвенным падежом имени в тексте отсутствует. Как отмечается в [Жрылов 1984], возможны два варианта истолкования «нулевого синтаксического знака»: анафорическое — наречие соотносится с ранее упомянутым объектом (*Иван сел в первом ряду, и Маша расположилась неподалеку*) — и дейктическое, эгоцентрическое — наречие подразумевает, что пространственным ориентиром, относительно которого ведется описание, является говорящий (*Маша неподалеку*).

Таким образом, эгоцентрическое употребление подразумевает, что 2-я валентность наречия — явно или неявно — заполняется говорящим: *Иван далеко* (= *далеко от меня*). Анализ ограничивается эгоцентрическим употреблением с незаполненной 2-ой валентностью, поскольку именно в этом случае наречия образуют целостную систему противопоставлений, составляющих в совокупности законченный фрагмент пространственной картины мира носителей русского языка.

§2. Фактор непосредственного восприятия, «наблюдения» при описании пространственных отношений

Важным фактором, регулирующим употребление рассматриваемых слов, является наличие/отсутствие в их семантике точки зрения наблюдателя (на этот факт обратил внимание Ю.Д.Апресян (см., например, [Апресян 1986а]). Семантика наблюдения передается наречиями *вдалеке*, *невдалеке*, *вблизи*, *вдали* в том случае, когда, как пишет Ю.Д.Апресян, у них «не реализована 2-я валентность» [Апресян 1986а, 19]. Наречия с семантикой «наблюдения» противопоставлены не отмеченным этим признаком словам *далеко*, *недалеко*, *неподалеку*, *рядом*, *поблизости*, *близко*.

'Наблюдение' подразумевает наличие взгляда со стороны на предмет описания. Можно сказать, что у эгоцентрических наречий «взгляд» этот исходит от говорящего. Ю.Д.Апресян отметил естественное следствие такой семантики, а именно — невозможность употребления указанных наречий в ситуации самоописания типа: **Вдали появился я верхом на лошади*; **Вдалеке стояли мы с Володей*.

Итак, наречия с семантикой наблюдения всегда описывают предмет речи относительно субъекта восприятия (говорящего). Например: *Вдалеке замирает твой голос* (А.Фет). Не отмеченные этим признаком слова способны описывать и местоположение говорящего относительно какого-либо объекта, например: *Скоро придем, мы уже близко*.

Если же рассмотреть пространственные показатели в аспекте эпистемической модальности — задавшись целью установить, на основе какой информации было сформировано высказывание, — то выяснится следующее. В отличие от слов *вдали*, *невдалеке* и под., всегда указывающих, что высказывание сформировано на основе непосредственного восприятия, остальные наречия — *неподалеку*, *поблизости* и под., — не несут соответствующих указаний, они употребимы как в том, так и в другом случае. Например: *Невдалеке сидит Иван* — восприятие есть; *Иван сидит неподалеку* — восприятия может и не быть (*где-то неподалеку*). Ср.: *Рядом сидит Маша и смотрит на меня* и *Совсем рядом, за углом, находится большой универсам*.

Наличие непосредственного восприятия в семантике наречий предопределяет их связь с реальным модальным планом высказывания — они в принципе исключены в контексте ирреальных наклонений, гипотезы и т.п. Ср. некорректность фраз: **Будьте недалеко/вблизи/вдали*; **Вот если бы он оказался вблизи!* Между тем в подобных контекстах вполне употребимы наречия, не отмеченные признаком 'непосредственное восприятие', ср.: *Будьте недалеко/неподалеку/рядом/поблизости*; *Вот если бы он оказался рядом/неподалеку!* Признак 'наличие/отсутствие непосредственного восприятия' влияет и на выбор предикатов для описания местоположения объекта при употреблении того или другого дистанционного показателя. Если у слов *неподалеку*, *поблизости* объект может быть *расположен*, он может *находиться*, *пролегать*, *обитать*, *жить* и под., то у наречий *недалеке*, *вдали* и др. объект *виднеется*, *поблескивает*, *высится*. Ср.: *Успенский собор находится неподалеку* (при невозможности **находится недалеко*) и *Вдали, над пылью переулочной, // Над скукой загородных дач // Чуть золотится крендель булочной...* (А.Блок); *Печальные ели // Темнеют вдали без движенья* (Вл. Соловьев) и **Вдали растут ели/посажены ели*. Ср. также согласованность предиката и наречия по параметру 'актуальность'/'неактуальность' в следующем примере: *Далеко в лесу огромном, // Возле синих рек, // Жил с детьми в избушке темной // Бедный дровосек* (А.Ахматова).

Выборочное отношение к предикатам определяется в приведенных примерах тем, что в одном случае (*находиться*) они представляют локализацию абстрактно, в самых общих чертах, безотносительно к моменту речи, что не допускает употребления наречий типа *недалеке*, задающих конкретность восприятия. В другом случае (*золотиться*) предикаты, напротив, описывают конкретные перцептивные проявления объектов, прямо спроецированные на момент речи, что хорошо согласуется с семантикой пространственных показателей *вдали*, *недалеке* и под. По Т.В.Булыгиной [Булыгина 1982], предикаты такого рода противопоставлены по признаку «актуальность», «временная локализованность»: вторые (*выситься*, *чернеть*) являются актуальными, а первые (*жить*, *находиться*) — нет.

«Перцептивность» таких наречий, как *невдалеке*, *вдали*, *вдалеке*, определяет их притяжение к изобразительному функциональному типу речи, по Г.А.Золотовой (см. [Золотова 1982]). Поскольку повседневная речевая практика в основном оперирует информативным функциональным регистром, данные наречия в ней относительно редки. Ср. естественность использования *невдалеке* в повествовании (письме, рассказе): *Как хорошо кругом! Невдалеке шумит ручей...* и неуместность этого наречия в чисто информативном тексте: *Осторожно! ?Невдалеке стоит милиционер* (в этой ситуации лучше сказать: *неподалеку*).

Таким образом, помимо употребления в высказываниях с реальной модальностью, для наречий с семантикой 'наблюдения' характерно использование в актуальных высказываниях с интенцией «изобразительность», а не «информативность».

§3. Неоднородность пространства: противопоставленность дистанционных оценок по линии 'абсолютность'/'относительность'

Анализ показал, что наречия *близко*, *недалеко*, *далеко*, *рядом* являются относительными оценками удаленности объекта от говорящего, а остальные наречия (*невдалеке*, *неподалеку*, *вдали*, *поблизости*, *вблизи*) выражают абсолютные оценки⁵.

Поясним суть введенного противопоставления на таком примере. Во фразе *Смотри, вон вдали показался Иван* слово

⁵ Данное противопоставление никак не соотносится с понятиями абсолютной и относительной ориентации объектов, используемыми Ю.Д.Апресяном (см., например, [Апресян 1974; 1986а] при описании семантики слов с дейктической стратегией. По Ю.Д.Апресяну, относительная ориентация предметов подразумевает описание ситуации с учетом точки зрения наблюдателя (не обязательно совпадающего с говорящим); абсолютная ориентация задает дислокацию объектов безотносительно к наблюдателю. Мы же будем использовать признак абсолютности/относительности применительно к оценкам расстояния от говорящего до предмета описания, т.е. во вполне привычном «нетерминологическом» смысле.